

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *каاتبов*»): секреты мастерства средневековых *каاتبов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲚ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннисян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович		
А.А. Ковалев		
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013	IN MEMORIAM	
© Институт восточных рукописей РАН, 2013	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322

Ф.О. Нофал

**К вопросу о «конфессиональной»
коранической текстологии:
между «буквой» и «[вариантом] прочтения»**

Настоящая статья рассматривает проблему соотношения таких понятий текстологии «коранических наук» (‘улӯм ал-Қур’ән), как «буквы» и «[варианты] прочтения» в рамках исламской богословской системы. Также автором предпринята попытка соотнесения «теологической» текстологии и данных современного источниковедения о так называемом «Коране ‘Усмана».

Ключевые слова: корановедение, мусхаф, буква, ислам, вариант прочтения, племена.

Текстология сакрального текста — это, безусловно, вопрос внутриконфессиональный, теологический. Основываясь на вероучительных источниках, экзегетико-исторических сентенциях прошлого и настоящего, религиозная община как бы «канонизирует» историю своей Основы, заключая в ней прежде всего стройную апологетику вероубеждения. Ислам как великая мировая религия не составил исключения из этого правила, разработав довольно стройное здание т.н. «‘улӯм ал-Қур’ән» — «коранических наук», в которых особое место отведено именно генезису современного корпуса текста священной книги мусульман.

Аутентичность текста Корана при различных вариантах чтения (*қирā’āt*) — вопрос, практически решенный в классической богословской системе, — заслуживает отдельного, пристального взгляда современного текстолога и религиоведа. На актуальность затронутой темы указывает также и тот факт, что отсутствие консенсусного мнения о т.н. «семи буквах» (*ал-‘ахруф ас-саб’а*), в которых, согласно Преданию, и был ниспослан Коран, кардинальным образом влияет на саму постановку вопроса о семи версиях его прочтения. В настоящей работе мы попытаемся представить основные мнения исламских теологов и языковедов относительно этого вопроса, а также по возможности реконструировать «доусмановскую» историю коранического текста¹.

Семь достоверных (*мутавāтир*) вариантов рецитации Корана (*қирā’āt ас-саб’а*), по-видимому, берут свои истоки уже в первой половине I века хиджры. Уже в достоверном хадисе², переданном Муслимом, речь идет о споре двух курейшитов о вариантах

¹ Особого внимания заслуживает работа, проделанная выдающимся отечественным корановедом Е.А. Резваном, который впервые в истории российского исламоведения предпринял революционную попытку воссоздания целостной картины текстологической истории коранического текста (Резван, 2001, с. 170–260; 1991, с. 137–138). Однако, на наш взгляд, Е.А. Резван недостаточно подробно раскрывает в своих трудах проблему т.н. «семи букв», что и приводит к выпадению из числа исследуемых им вопросов дихотомии рецитационных вариаций и *ал-‘ахруф ас-саб’а*, рассматриваемых в настоящей статье.

² «...‘Умар ибн ал-Хаттаб говорил: „Я услышал, как Хишām ибн Хāким ибн Хаззām читает суру „Различение“ не так, как ее читаю я, а Посланник Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! — зачитывал ее мне ранее. Я уже был готов поторопить его, но затем дал ему время закончить, а затем я схватил его за грудки его плаща и привел его к Посланнику Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! — и сказал: „Посланник Аллаха, я услышал, как он читает суру „Различение“ не так, как ты прочел ее мне“. Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — сказал: „Отпусти

чтения *айатов* суры «Различение»³. Рецитационные вариации учитывались и при собрании коранического текста халифом ‘Усманом: в частности, ‘Ибн ал-Джазарй (+833 г.х.) так описывает причины лишения текста *мусхафов* диакритических знаков: «И были лишены все эти *мусхафы* точек и огласовок для того, [чтобы] указывали они на то, что правильно передается» (‘Ибн ал-Джазарй, 2008, с. 7). Также, говоря о записи тех или иных собраний Корана сподвижниками Пророка, автор пишет: «И *сахабы*, когда написали те *мусхафы*... лишили их точек и огласовок, дабы было указание единого письма на два прочтения, переданных, услышанных и читаемых, похожих» (там же, 2008, с. 32–33)⁴. Общая для исламских источников традиция передачи нашла свое отражение и в *‘илм ал-қир’ат* («науке [о вариантах] прочтения [Корана]»), где достоверность передачи тех или иных вариантов чтения текста определяется как непрерывностью цепочки передатчиков, восходящей к самому Пророку (*иснād*), так и соответствием их консонантному османскому тексту (*ар-расм ал-‘узмāнī*) (Ас-Суйуṭī, 1999, т. 1, с. 257). В четвертом веке хиджры ‘Ибн Муджāхид впервые собирает различные передачи (*ривайāt*) семи вариантов прочтения османского текста (‘Ибн Муджāхид, 2000). Позже к ним будут добавлены еще три «известные» (*машхūr*) рецитационные версии (‘Ибн ал-Джазарй, 2008).

Однако, вместе с тем, в исламской теологической системе разрабатывалась и проблема т.н. «семи букв». Будучи не раз упомянутыми в различных текстах Сунны (Саḫīḫ Муслим, 1996, с. 560; Сунан ‘Абī Дāvūd, 1997, № 1478 и др.), эти слова Пророка не раз становились объектом пристального внимания богословов и языковедов ислама. На сегодняшний день корановедческая традиция предлагает шесть (см. М. ал-Қатṭān, 1991) основных вариантов трактовки словосочетания *ал-‘ахруф ас-саб‘а*, из которых, прежде всего, следует выделить несколько основных, наиболее известных и общепринятых. Сразу необходимо отметить, что понятия *ахруф* и *қир’ат* изначально являлись в исламском богословии четко разграниченными и дифференцированными. «Некоторые [люди], неопытные в сей науке, считали, что [варианты] прочтения тех семи имамов — это и есть то, о чем сказал Пророк (мир ему и благословение Аллаха!): «Был ниспослан Коран в семи буквах», — пишет шейх ‘Абū Шāmма ал-Мақдисī (‘Абū Шāmма, 2003, с. 146). И если вопрос о вариациях рецитации османского текста в исламском богословии является решенным, то проблема «семи букв» представляет собой некоторое «темное пятно» корановедения.

Согласно мнению таких теологов, как ат-Табарй (Ат-Табарй, 2001, т. 1, с. 50–52), ат-Таḫāвī (Ат-Таḫāвī, 1994, т. 7, с. 218–219), ‘Ибн Таймиййа (‘Ибн Таймиййа, 2005, т. 13, с. 389) и других, «семь букв» обозначают семь диалектов (*лугāt*) арабского языка, на которых был ниспослан текст Корана⁵. Также сторонники настоящего мне-

его. Читай!". И тот вновь читал именно так, как тогда. Посланник Аллаха сказал: "Она так и была ниспослана". Затем он сказал мне: "Читай!". Я прочел, и он сказал: "Она так и была ниспослана. Воистину, Коран был ниспослан в семи буквах. Читайте [из него] то, что для вас легко"» (Саḫīḫ Муслим, 1996, с. 560).

³ Заметим, что истинный характер упоминаемого в хадисе различия все-таки остался неизвестным, что и обусловило полемику о значении т.н. «семи букв», разбор которой будет дан ниже.

⁴ Этот эпизод, в частности, дополняет и аз-Замахшарй, который, поясняя цитату ‘Ибн Мас‘уда («Лишите Коран [точек] для того, чтобы возрос в нем малый ваш»), замечает: «Захотел он лишить его точек и огласовок для того, чтобы не возростал младенец, думая, что они — из Корана» (Аз-Замахшарй, 2001, т. 1, с. 186).

⁵ Разные теологи по-разному определяли те диалекты, на которых, по их мнению, был ниспослан текст Священного Писания ислама. Так, согласно ас-Сиджистāнī (250 г.х.), Коран был ниспослан на «языках» племен Курейш, Тамим, Хузайл, Хавазин, Са‘д б. Бакр, ‘Азд и Раби‘а; по мнению же ‘Ибн ‘Аббāса, пять из «семи языков» Корана — это наречия племени Хавазин (см.: ‘Абū Шāmма, 2003, с. 91–102).

ния заключают, что сегодня Коран читается лишь «по одной букве», т.е. согласно диалекту Курейша, а шесть остальных были отменены по «выбору Уммы». Несмотря на то что последний тезис подкрепляется историческими источниками (по сообщению 'Анаса б. М'алика, халиф 'Усман б. 'Афф'ан повелел Зайду записывать спорные слова на «языке Курейша» (Сах'их ал-Бух'ар'и, 1986, № 3315)), он не выдерживает языковедческого анализа: согласно ас-Суйут'и, текст содержит и диалектизмы, чуждые как диалекту Курейша⁶, так и арабскому языку вообще (Ас-Суйут'и, 1999, т. 1, с. 400–439). Другие же приверженцы этой версии игнорируют сообщение ал-Бух'ар'и, полагая, что диалектизмы изначально были привнесены в текст *мусхафов*, и заключают, что и сегодня Коран содержит все семь букв, ни одна из которых не может быть упразднена (см.: 'Аб'у Ш'амма, 2003, с. 91; ал-Қуртуб'и, 2003, т. 1, с. 44–45). Следует заметить, что настоящая версия истолкования вышеупомянутого хадиса представляется наиболее ранней по отношению к другим: так, согласно упоминавшейся выше передаче 'Аб'у Ш'амма, ее придерживался двоюродный брат пророка Мухаммада и его сподвижник 'Ибн 'Абб'ас.

Другая, «жанровая», версия, объясняющая смысл выражения «семь букв», основывается на следующем хадисе Мухаммада: «Коран вначале был ниспослан из одних врат и в одной букве; и был ниспослан Коран из семи врат в семи буквах: предостерегающей (*заджер*) и приказывающей ('*амр*), позволяющей (*хал'ал*) и запрещающей (*хар'ам*), ясной (*мухкам*), сокрытой (*муташибих*) и [в букве] притч ('*амс'ал*)» (Ат-Табар'и, 2001, т. 1, с. 68). Согласно же версии 'Ибн 'Ат'ийа, «некоторые ученые» видели в «семи буквах» указание на следующие «смыслы» (*ма'ан'и*) Священного Писания: «повеление ('*амр*), запрет (*нах'и*), обещание (*ва'д*), угроза (*ва'ид*), истории [пророков] (*қиса'с*) и притчи ('*амс'ал*)» ('Ибн 'Ат'ийа, 1993, т. 1, с. 21–22). Однако очевидно, что различие между вариантами прочтения 'Умара б. ал-Хатт'аба и Хиш'ама б. Х'акима было именно лексическим. Также, с точки зрения хадисоведения, сообщение, на котором основывается данное предположение, является «слабым» по своей цепочке передатчиков (*иснад*) ('Аб'у Ш'амма, 2003, с. 107–108). Исходя именно из упомянутых предпосылок, эту версию не принимал ни один видный богослов ислама.

Третий же вариант толкования слов Пророка предполагает заметное сближение понятий «буква» и «прочтение», определяя первое как «[виды] различия между [вариантами] прочтения» ('Ибн Қутайба, 2011, с. 28). Этого мнения придерживались 'Ибн Қутайба, ал-Бақилл'ан'и (Ал-Қуртуб'и, 2003, т. 1, с. 45), аз-Зарқ'ан'и и другие (Аз-Зарқ'ан'и, 2010, т. 1, с. 130; 'Ибн ал-Джазар'и, 2008, с. 27–28). Сторонники этой версии следующим образом классифицируют семь типов разночтений, имеющих место в различных вариантах передачи коранического текста, замечая, что османский *мусхафов* потенциально содержит в себе все их вариации:

- 1) различие в склонении имен числительных, имен женского и мужского рода;
- 2) расхождение в падежах отдельных слов;
- 3) морфологические отличия;
- 4) инверсия;
- 5) синонимичная замена;
- 6) незначительные интерполяции;
- 7) рецитационные различия.

Однако и в этой теории, несмотря на противопоставление ее первой (Аз-Зарқ'ан'и, 2010, т. 1, с. 130), прослеживается ее четкая связь с версией ат-Табар'и и ат-Тах'ав'и.

⁶ В качестве примера ас-Суйут'и приводит такие слова южноарабского происхождения, как «лахв'ан» (21:17), «с'амид'ун» (53:61) и др.

Так, не ограничивая количество возможных рецитационных вариантов передачи текста и не исключая синонимичных замен тех или иных слов и словосочетаний диалектизмами, ее авторы де-факто не исключают возможности существования полноценных передач коранических текстов и на других диалектах арабского языка (*lugāt al-‘arab*). Более того, данная теория не объясняет наличие в тексте Корана не-курейшитской лексики, столь необходимой в первое время для миссии Мухаммада и основания исламского государства в ‘аздской Медине (см.: ‘Ибн Ҳазм, 1368 г.х.).

Склоняясь по вышеприведенным причинам (конечно же, в рамках исламской теологии) к первой версии толкования понятия «семи букв», мы считаем необходимым выдвинуть несколько предположений, связанных с неоконченной лексической унификацией коранического текста: ведь, невзирая на вышеупомянутое указание халифа, в различных *айатах* все-таки присутствует чуждая Курейшу лексика и фразеология, хоть и в небольшом — по отношению к основному тексту — количестве. Причины этого, на наш взгляд, могут крыться в политике ‘Усмана б. ‘Аффāна. Несмотря на свою проомейядскую ориентацию, третий праведный халиф, в условиях все более четко проявляющегося противостояния вокруг Священного Писания ислама, не мог полностью лишить эту главную религиозную основу молодого государства племенной лексики — цементирующего элемента, что могло привести к открытому бунту. На это, в частности, косвенно указывает факт обострения межплеменной борьбы в годы правления халифа (Большаков, 2000, т. II). Тем не менее следует подчеркнуть, что иные «курейшитские» собрания (*муṣḥафы* ‘Ибн Мас‘уда, ‘Ибн ‘Аббāса, ‘Ибн Ка‘ба и др.) также содержали минимальное количество не-курейшитской лексики и очень близки к османскому тексту (‘Ибн ‘Абй Давūd, 2002).

Так или иначе, но вопрос о «семи буквах» как вариантах передачи смысла Откровения на диалектах Аравийского полуострова остается открытым в светской текстологии: несмотря на разнородность иноплеменной для Курейша лексики в тексте Корана ‘Усмана, мы не можем окончательно решить вопрос об историческом существовании полноценных «племенных» версий коранического текста. Исламская же теологическая система с большой долей вероятности допускает возможность реального ниспослания Священного Писания сразу на нескольких «языках арабов», активно использовавшихся в «облегчении [тягот] Уммы» (Ṣaḥīḥ Муслим, 1996, с. 561–562). Однако и источниковедческий анализ позволяет исследователю допустить возможность объективного существования нескольких вариантов передачи Корана, игравших на заре ислама большую миссионерско-политическую роль. Возможно, дальнейшие открытия в области коранистики помогут пролить свет на эту проблему, которая, в условиях современного информационного общества, особенно актуальна как для теологии, так и для истории религии.

Библиография

- Большаков О.Г. История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний. М., 1993.
 Резван Е.А. Ал-кира‘а // Ислам. Энциклопедический словарь. М., «Наука», 1991, с. 137–138.
 Резван Е.А. Коран и его мир. Петербургское востоковедение, 2001.
 ‘Абū Шāмма. Ал-Муршид ал-ваджйз ‘илā ‘улūм тата‘ллақ би-л-китāб ал-‘азйз («Краткое руководство к наукам, связанным с Могущественной Книгой»). Бейрут, 2003.
 Аз-Замāхшарй. Ал-Фā‘иқ фй гарйб ал-ḥадйс («Превосходный [трактат] о странных хадисах»). Бейрут, 2001.
 Аз-Зарқāнй. Манāхил ал-‘ирфāн фй ‘улūм ал-Қур’āн («Источники знания в коранических науках»). Бейрут, 2010.
 Ал-Қуртубй. Ад-джāми‘ ли ‘аḥкām ал-Қур’āн («Собрание предписаний Корана»). Бейрут, 2003.

- Ас-Суйути*. Ал-Итқан фй 'улум ал-Қур'ан («Совершенство в коранических науках»). Бейрут, 1999.
- Ат-Табарӣ*. Джāми' ал-байāн 'ан та'вил ай ал-Қур'āн («Собрание пояснений к толкованию аятов Корана»). Бейрут, 2002.
- Ат-Тахāвӣ*. Шарх мушкил ал-асār («Разъяснение проблем наследия»). Каир, 1994.
- 'Ибн 'Абӣ Давӯд*. Китāб ал-масāхиф («Книга [о собраниях] Корана»). Бейрут, 2002.
- 'Ибн ал-Джазарӣ*. Ан-Нашр фй ал-кирā'āt ал-'ашр («Публикация о десяти [вариантах] прочтения»). Каир, 2008.
- 'Ибн Қутайба*. Та'вил мушкил ал-Қур'āн («Объяснение сложных [мест] Корана»). Бейрут, 2011.
- 'Ибн Муджāхид*. Ал-Қирā'āt ас-саб' («Семь [вариантов] прочтения»). Бейрут, 2000.
- 'Ибн Таймиййа*. Маджму' ал-фатāвā («Собрание фетв»). Эр-Рияд, 2005.
- 'Ибн Хазм*. Джамхарат ансāб ал-'араб («Большинство родословных арабов»). Каир, 1368 г.х.
- М. ал-Қаттāн*. Нузӯл ал-Қур'āн 'алā саб'ати аҳруф («Ниспослание Корана в семи буквах»). Каир, 1991.
- Қаҳйх ал-Муслим бишарх ан-Нававӣ («Достоверный [свод] Муслима в объяснении ан-Нававӣ»). Каир, 1996.

Summary

F.O. Nofal

The Problem of “Confessional” Qur’anic Textology: Between “the Word” and “the Method of Recitation”

The problem of correlation between the terms “the word” and “the method of recitation” in Islamic “sciences of Qur’an” is analyzed in the article. The author also tries to recover the history of Qur’anic text before its edition by caliph Uthman.